

Весна такая странная – слетает желтый лист!

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Не буду от вас скрывать, господа: 19 марта я надену джинсы. Я их ношу всегда. Но не только поэтому. Однако по порядку. Вынесенная в заголовок строчка из гениальной баллады барда Алексея Паперного «Одна такая девочка» (про гибель «того самого гения чистой красоты») хорошо характеризует погодное настроение начала марта. Лист, может, и не слетает, но метель разгулялась. А ожидания уже самые волнительные. И предвкушения самые светлые...

Малость подкрепляет их затейная на канале «Культура» ретроспектива фильмов 80-летнего Анджея Вайды. Кажется, в любви к одному из немногих несомненно великих наших современников я уже признавался. Ну, это любовь не весенняя, а всепогодная. Не эрос, а агапе, если кому-то это важно уточнить. А показанные фильмы – они-то как раз про нерукотворно-таинственную стихию эроса.

Однажды Вайда сказал, кажется, про Бергмана: он снимает кино про женщину и мужчину, а я про девушку и солдата. Но вайдовские фильмы социального протеста, политических страстей («Пепел и алмаз», «Человек из мрамора», «Дантон»...), которыми прежде всего прославился польский режиссер, неактуальны в эпоху пухлых нефtedолларов и монументального стабфонда. И «Культура» старательно отобрала другой смысловый ряд: три драматические кинопоэмы и одна драма бешеных страстей. А почему нет? Особенно по случаю дня памяти Клары Цеткин.

Ну, про «Землю обетованную» с ее сумасшедшими оргиями я промолчу. И про волшебство «Свадьбы» тоже (господи, какие там лошади, какие всадники, какое потрясающее пробуждение после угара!). Но есть еще «Барышни из Вилко» – фильм о замечательных, чудесных, таинственных, бескорыстных, тонких, мудрых женщинах, хранильницах памяти, любви и боли, и о мужчине, карьеристе и эгоисте, которому суждено с особенной остротой почувствовать свое банкротство в сравнении с ними. И есть «Хроника любовных происшествий» – о первой любви изумительных, некрасивых и прекрасных, мальчика и девочки, польских Ромео и Джульетты. Любви, которая настолько важнее и значительней всего остального в этом мире, что может встать только рядом со смертью. Может без промежуточных станций перейти в смерть. А происходит это на фоне грандиозного исторического крушения, когда два хищника, сговорившись, делят между собой «ублюдка Версальской системы» (как

говорил Вячеслав Молотов).

Такая грусть! Такая светлая, неземная грусть! Ничего подобного я не знаю в мировом кино (и, наверное, уже не узнаю). Душа разом лагает и взлетает.

Контрабандой у Вайды везде звучит тема тающего, умирающего, гаснущего аристократизма, который связан с гордой, безумной, прекрасной шляхтой. Покидает мир красота, кончается благородство. В этом тоже есть какая-то особенно горькая правда. На смену поэзии приходит пародия. На смену Ахматовой – двусмысленный юмор типа: «Менеджер из другого отдела. Он придет, я скажу: бери! Я на правое ухо надела сережку с левой ноздри».

Два других сюжета в обзоре тоже связаны у меня с Восточной Европой.

Меньше недели осталось до выборов президента Беларуси. Заглянешь в Интернет – там страсти кипят, даются революционные предсказания, звучат призывы выйти на площадь 19 марта и прогнозируется за явным преимуществом победа оппозиционеров Александра Козулина и Александра Милинкевича. А на каждом телеканале у нас безраздельно царит другой кандидат, Александр Лукашенко. Он, безусловно, и победит, ибо, как нам внятно объясняют, он по-настоящему любим и уважаем своим народом, ради которого живет и работает. Подонки, обслуживающие Запад, пытаются убедить весь мир, что «режим Лукашенко» держится на

страхе и насилии. Но успехи Беларуси позволяют уже сегодня говорить об экономическом чуде. Кроме того, Беларусь – единственная из стран СНГ, которая не поддалась на западные разводки, не предала Россию, не ставит нам палки в колеса. (Правда, едва ли секрет, что белорусское экономическое чудо на 90 процентов завязано на переработке нашей нефти).

Я охотно верю в то, что и журналисты белорусского ТВ даром хлеб не едят. Вот как описывает свои телепечатления одна рядовая минчанка: «Сначала обычный новостной блок. Ну, там все понятно – коровы телятся, свиньи свиная, куры курятся только потому, что чуткое руководство главы государства настаивает их в самый ответственный момент. Потом 20-минутка ненависти в аналитической программе про грантососов, иуд, масонов, сатанистов, сексуальных извращенцев – про альтернативных кандидатов, короче. Но после этого... Я просила меня ущипнуть, ибо не верила ни глазам, ни ушам своим. Толпа молодых людей под предводительством «звезд» поп-эстрады скандировала: «За бацьку!» Меня стошнило, и я выключила телек».

Кстати, ровно к выборам ансамбль «Сябры» запел повсюду такую песню: «Слушай батьку! Утром, ночью и днем... Слушай батьку! Если плохо тебе... Слушай батьку! Если все хорошо... Слушай батьку!» А их худрук сказал по этому поводу: «У нас в каждой семье

есть батька. многих так называют. Но если у кого-то возникают ассоциации с президентом... Что ж, каждый думает в меру своего ума». В ответ оппозиционеры придумали акцию «Джинс» (кто носит джинсы – тот за свободу, против батьки)... Такие вот белорусские хитринки.

И второй сюжет. В Гааге умер Милошевич, это вызвало шлейф откликов на ТВ, звучащих, как теперь принято, в унисон. Особенно обильно цитировали тех, кто объявляет его мудрецом, другом России, обвиняя Европу в жестокости и целенаправленном убийстве сербского лиса. Как водится, в Сети спектр суждений шире. Писатель Лукьяненко первым призвал к «светлой памяти» о покойном. А журналист Пархоменко, чей коммент вызвал больше всего откликов, написал о Милошевиче: «Из всех возможных исходов нашел-таки для себя единственный, который сохраняет хоть какую-то двусмысленность, путаницу в трактовках, опять дает повод для демагогии и высокопарной политиканской болтовни...» Были и приземленные, обывательские суждения типа: «Почему Россия так стремится оказывать помощь всем, кроме своих граждан? Они вот никому не нужны – ни лечить их не надо, ни заботиться о том, чтобы жили как люди. А как появится такой вот (не буду называть имя – неважно это), и Россия сразу: давайте мы будем лечить безвозмездно и похороним у себя и так далее...»

Хотя бы по случаю Великопосты не скажу следом за Пархоменко: тварь сдохла. Скажу: умер великий грешник. Нераскаянным, и, судя по всему, даже не вступив в общение с Богом.

Есть в истории узлы, которые завязаны уже навсегда. До Страшного суда. Боюсь, и русские грехи XX века, грехи наших предков, останутся таковыми. С Милошевичем небесная канцелярия как-нибудь разберется и без нас с вами, а вот как нам быть с нашим смердящим подпольем? С теми миазмами, которые отравляют атмосферу и сегодня, заставляя любить палачей, а не жертв?

Ох, не уходите бы мне никуда с канала «Культура»! Как хорошо, что он есть, что он возвращает нас к главным ценностям бытия... Уж лучше гетто, чем зверинец. Начал я с фразы Паперного, а закончу отрывком из другого замечательного барда, Михаила Щербачева. Просто потому, что нахожу это уместным. «Проблемы вечной – бысть или не бысть – решенья мы не знаем и не скажем. Зато ни жагда славы, ни корысть уже не овладеют экипажем. И если мы несемся через льды, не чувствуя ни холода, ни боли, то это все ни для какой нужды, а только ради смерти и любви. Чего бояться нам – тюрьмы, тоски, ущерба оцагу, вреда здоровью? Но это все такие пустяки в сравнении со смертью и любовью».

Евгений ЕРМОЛИН,
профессор ЯГПУ.